

Coney Island History Project Oral History Archive

Interviewee: Stanislav Baev

Interviewer: Julia Kanin

<https://www.coneyislandhistory.org/oral-history-archive/stanislav-baev>

Content © 2020 Coney Island History Project. All material on the CIHP website is copyrighted and cannot be used without permission.

Все материалы на сайте Исторического проекта Кони-Айленда защищены авторским правом и не могут быть использованы без разрешения.

Юлия Ханина: Это исторический проект Кони Айленд, меня зовут Юлия Ханина и сегодня мы разговариваем со Станиславом Баевым, президентом American Alliance for Protection of Animals. Станислав, расскажи пожалуйста немного о себе, откуда ты родом и немного о твоей жизни в России.

Станислав Баев: Здравствуйте, Юлия. Родился я в Москве. Прожил там достаточно короткий период жизни – всего один год, потому что родился в семье военного. Мой отец – полковник. И по истечению года жизни там, мы сразу поехали на военный городок на границе с Финляндией. Но всю свою осознанную жизнь я прожил в Сибири, в Новосибирске, поэтому считаю себя сибиряком.

ЮХ: Как и когда ты иммигрировал в США?

СБ: В США я иммигрировал в 2006 году по воссоединению семьи. Здесь жила уже моя мама, она жила здесь с 99го года. Она приехала первая и потом вытянула меня сюда.

ЮХ: И ты сразу переехал на Кони Айленд или пока путешествовал по другим городам?

СБ: Нет, я все время жил в Бруклине. Сначала я жил в Бенсонхерсте, на авеню О и Вест 8й. Потом я жил на Ностранд очень короткий период времени, около месяцев двух наверное – на Ностранд авеню и Ю. И вот как я познакомился с женой, мы переехали на Бенсен, где прожили около трех лет. И последние два года я живу на Кони Айленд в Луна Парке.

ЮХ: Какие впечатления от Кони Айленда?

СБ: I like it. I like it a lot. Океан близко. Русскоговорящие люди вокруг. Любимые русские магазины. Вкусная еда. Парк аттракционов исторический.

ЮХ: Не очень шумно там? Потому что если говоришь, что живешь на Лунапарке, наверное там всегда очень много и туристов и шума? Нет?

СБ: Летом – да. Салюты... Всегда любил салюты до того, пока не переехал на Кони Айленд. Но сейчас немножко уже приелось.

ЮХ: Что больше всего нравится на Кони Айленд?

СБ: Пляж.

ЮХ: Пляж. Часто ходишь летом?

СБ: Очень редко. В этом году наверное раза 4-5. Я считаю, что это много, потому что в прошлом году я не был вообще. Но то, что я смотрю постоянно на воду из окна, это помогает мне порой успокоиться.

ЮХ: Расскажи, как появилась идея создать American Alliance for Protection of Animals и как давно эта организация существует?

СБ: Эта организация существует с 2019 года. Мы получили статус 4го июля, чарити статус 501(c)(3). И эта идея создания пришла с собственного, не самого приятного экспириенса, когда мы купили собаку, когда я купил собаку жене как подарок. 9го мая 2018го года я проснулся...и до этого жена постоянно говорила то что вот, хочу собаку, хочу собаку. 9го мая я вышел в Интернет, посмотрел магазин, потому что я думал, что если ты хочешь собаку, ты живешь в Америке. Если ты хочешь собаку, то ты идешь и покупаешь. Я посмотрел на Интернете магазин с хорошими рейтингами, на Гугле. Он находится в Бенсонхерсте. И я пришел, выбрал красивого маленького померанца, принес его домой. И эта собака, скажу Вам честно, изменила мою жизнь. Она мне как-то помогла раскрепоститься. Не знаю, мне было очень нелегко общаться с людьми, знакомиться с новыми людьми. И было как-то трудно доверять. Я скажу, что я не был особенно social такой person. То есть у меня был очень замкнутый круг общения, где мы общались и вот собака мне очень сильно помогла раскрепоститься. И по истечению, наверное, семи месяцев, после того, как мы купили собаку, у нее начались такие визуальные проблемы с глазом. Мы сначала думали, что глазик косит. Мы привели его к ветеринару. Ветеринар посоветовал нам пойти к собачьему офтальмологу, по животным. Очень трудно сделать аппойнтмент здесь с офтальмологом нормальным. Аппойнтменты постоянно кенселлеются [отменяются – прим.], переносятся. Мы поехали в Лонг Айленд. Я сделал небольшой research перед этим, что если косоглазие, то подрезается гландик, просто надо будет ухаживать за ним чаще, наносить там всякие крема. Когда мы приехали к ветеринару, он сказал: «Ребята, это не то, что вы думаете.» У него врожденный дефект глаза. У него глазик никогда не развивался и кристаллик у него в жидкой форме. Уже начинает образовываться инфекция и если не удалить глаз, инфекция может перейти на другой глаз или как опухоль на мозг. Я вот помню я сел у ветеринара на стул, схватился за голову, и вот в тот день меня поменяло. Я начал узнавать, делать research за магазин. Кто хозяин? Как так? Потому что я был таким человеком, что я мог прийти в магазин и просто дать им тяжелое время. Я пришел туда раз, я захотел поговорить с хозяином. Мне сказали «приходите в другой день». Я вышел. Я начал делать research на этот магазин и я прочитал очень много историй, плохих историй с плохим концом, когда люди покупали животное, буквально через несколько дней оно умирало. Также там была история про мальчика, которому было 13 лет. Он копил деньги год. Он пришел в этот магазин, купил себе маленькую йорки, принес ее домой, эта йорки умерла через 2 дня от вируса. Он пришел в магазин обратно, чтобы забрать деньги. Есть такой закон, Lemon Pet Law, который позволяет вам либо забрать деньги, либо взять другое животное, либо человек, который продал вам это животное должен частично покрыть расходы ветеринарии. Ему дали другую собаку. Он принес эту собаку домой. Эта собака умерла от того же вируса тоже через несколько дней. Я был в шоке, честно скажу. Это вот как я узнал, что такое puppy mills – конвейерные щенки. Это большая-большая

проблема Америки. И спасибо моей жене, потому что она сказала вовремя, «Стасик, нет смысла бить по магазину, надо бить по проблеме.» И вот так мы решили открыть организацию.

ЮХ: На вашем сайте есть информация о протесте против этих puppy mills, он состоялся в феврале этого года. Получается ли помешать владельцам таких магазинов и остановить продажу животных? Есть ли какие-то результаты?

СБ: Скажу честно, когда мы организовали этого протест, это было 35 человек на пике протеста. Нас охраняла полиция. Мы, как организация, хотели сделать все правильно и красиво. Вам не надо никаких лицензий, чтобы организовать протест. You have a right to protest. Но мы взяли разрешение на громкоговоритель, мы пригласили медиа, и также полиция предоставила нам охрану. И я скажу честно, когда мы стояли и рассказывали людям истории этого магазина, люди все равно заходили и покупали собак. И причем еще стояли и улыбались нам с магазина. Это не проблема магазинов. Магазины, владельцы зоомагазинов, это всего лишь жадные люди, которые с помощью больных собак, которых они покупают очень-очень дешево, просто хотят сделать себе профит. И проблема на самом деле намного глубже, намного выше. И надо бороться с ней. Надо бороться за права животных. Тогда, я думаю, это поможет. А то, что бороться с магазином... Да, его можно давить. Да, магазины не боятся никаких департаментов, ни Department of Agriculture [*Министерство Сельского хозяйства* – прим.], ни Department of Health [*Министерство Здравоохранения* – прим.], тем ни более полиции. Они боятся медиа, потому что это убивает их репутацию. Но опять же, пока ты борешься с магазином, ты тратишь, мы как нон-профит организация, rescue организация, мы не делаем никаких денег. И вот мы на такие протесты затрачиваем очень много энергии, очень много финансовых ресурсов, и я Вам скажу честно, это можно делать бесконечно. И пока мы их будем давить, у них уже подготовлен лиценс на его брата, на его сестру. Ему это просто займет два месяца, да, если мы его потратим, потратим очень много всего, ресурсов и энергии, мы его закроем. Он просто заляжет на дно, но через два месяца он откроется на том же месте, под тем же названием и с той же тактикой.

ЮХ: Государство в этом случае каким образом не может повлиять на эти организации, на этих людей?

СБ: Может, не хочет. Потому что сейчас проходил билл, чтобы в штате Нью-Йорк запретили продавать животных в зоомагазинах, таких как котов, собак, кроликов. Калифорния давно уже имеет такой закон. В Калифорнии вы не имеете права зайти в магазин и купить собаку от бридера. Как я думаю, все вот эти вот puppy mills... Что такое puppy mills? Это ангар среди Техаса, Арканзаса, Миссури, в поле сотни собак, которые рожают, рожают, и рожают. Всего несколько человек, которые за этим следят. Нету никакой ветеринарии, нету ничего. Ни гигиены, скажем так. Ничего. Животное находится в ужасном, ужасном состоянии. У очень многих проблемы со здоровьем. И больная собака никогда вам не сможет родить здорового щенка. И в этом проблема. Потому что за собаками там не ухаживают. И я считаю, что наши власти, наш government должен что-то поэтому делать, потому что такие ситуации они серьезно бьют по психике людей. Вот такие истории они меняют людей. Кого-то они меняют в хорошую сторону, кого-то в плохую. Потому что

очень много людей в Нью-Йорке берут себе собаку как эмоциональный support. И многие из них даже не знают, что такое puppy mills, что такое существует. И очень многие люди когда... животное это this is the best medicine [*это лучшее лекарство* – прим.]. Депрессии, для одиночества. Я вам скажу, животные даже помогают бороться с зависимостью, со всякими разными зависимостями. И когда, например, человек, которому действительно нужно животное как эмоциональный support, и у него нет больших финансовых ресурсов, чтобы например предоставить ветеринарию самую лучшую своей собаке... Потому что ветеринария очень дорогая в Нью-Йорке. И когда животное начинает болеть, и у него нету ресурсов, чтобы вылечить животное, животное начинает страдать. И человек когда это видит, когда видит его глаз, он может это еще даже не осознает, но психически он страдает вместе с этой собакой, что может повлиять в дальнейшем на его психические расстройства.

ЮХ: Почему люди продолжают покупать и, так скажем, помогать этим бизнесам, учитывая, что столько уже жертв, столько уже пострадавших и наверняка есть какая-то огласка, может быть в Интернете отзывы. Почему продолжают покупать? Потому, что они не знают этой информации или они думают, что им в этом случае повезет?

СБ: Очень многие люди они не знают, что это такое. И я их не осуждаю, потому что я сам был таким человеком: я пришел в магазин и купил там собаку. И я выучил на своем опыте. Но просто вот эту всю злость, агрессию, я считаю, я пустил в правильное русло. И я считаю, что это проблема иммиграции. Американцы знают о существовании puppy mills, что такое существует. И за что им, в принципе, можно отдать должное, то, что они предпочитают adoption instead of buying. Они предпочитают спасти животное, чем купить его. А иммигранты, такие как я, также там испанское население, они приезжают, они не знают, что такое может быть. И, конечно, все хотят маленькую красивую собачку, маленькую красивую породу. И такую, конечно, проще всего приобрести в магазине, потому что они знают, чем завлечь. И это как вот происходит. И кому-то везет, кто покупает животное, есть такие да, которым везет. И знаете, самая лучшая реклама – это слово. Когда люди видят, что да, у него хорошая собака маленькая. Где взял? Где ты купил? Там то, там то. А когда он уже туда придет, если ему не повезет, то самое-самое, я считаю, простое, что может случиться, что человек просто потратит очень много денег на лечение. А самое плохое, это то, что это затронет здоровье, психическое здоровье. Потому что в нашем случае страдала вся семья, лились слезы у всех. Потому что настолько невинное животное, ему только исполнился годик, и ему уже вырезали глаз.

ЮХ: Как вы находите животных, которым нужна помощь?

СБ: В основном, звонят люди. Говорят, у нас здесь котята на бэкярде. Или очень много людей, которых кормят животных. Они говорят, вот у нас в колонии появился, например, дружелюбный, но очень больной кот. Или просто дружелюбный кот. Можете, пожалуйста, ему помочь? Дружелюбным, not feral животным, то есть мы стараемся всегда их поймать. Первое, что сделать это провести их через ветеринарный процесс (очистить от блох, от паразитов). Поставить им всем необходимые прививки, такие как FVRCP и Rabies, поставить им microchip, кастрировать и найти им дом.

ЮХ: Помогают ли вам как-то ветеринарные клиники в этом случае с лечением?

СБ: Да, есть пару клиник, с кем мы работаем здесь в Бруклине. Первая клиника, это Animal Clinic of Bay Ridge и доктор Ibrahim. И вторая клиника это Sheepshead bay Veterinary Group, доктор Sheynberg. Вот они нам предоставляют, скажем так, серьезные дискаунты, что позволяет нам лечить животных, потому что опять же, ветеринария очень дорогая здесь. Просто отдаю очень должное, даю поклон, можно так сказать, и очень сильно их за это благодарю. Потому что эти два доктора им не все равно. То есть ветеринария в Нью-Йорке вы можете прийти к ветеринару и вас могут прогнать через всякие необходимые тесты, которые вам, в принципе, и не нужны, чтобы поставить диагноз. Но я считаю, что врач он должен быть хороший диагност и он должен поставить диагноз без всяких тестов.

ЮХ: Всем ли удается помочь?

СБ: К сожалению нет, не всем. Особенно из-за того, что мы лимитированы. Мы лимитированы на фостеров, мы лимитированы на бюджет. И всем не помочь. Если бы у нас было очень много фостеров, если люди понимали бы, что такое фостер, вообще что такое быть фостером, что такая это необходимая помощь, наверное, самая лучшая, то возможно бы эффект был бы намного большим, скажем так. Или чтобы хотя бы у нас был бы шелтер, тогда был бы намного бы наш эффект намного большим. Мы бы могли спасти намного больше животных. На данный момент, чтобы нам спасти животное, нам надо сначала найти фостера, кто его сможет у себя передержать. Если бы у нас был шелтер, мы бы сначала спасали животное, а потом мы бы искали человека, кто мог бы его передержать.

ЮХ: То есть вы ищете сначала фостера, для того, чтобы была возможность где-то разместить животное, правильно?

СБ: Абсолютно, да.

ЮХ: Вы спасаете только кошек, или собак, может других животных?

СБ: В Нью-Йорке очень большая проблема с кошками. Очень большая. То есть коты они на каждом углу здесь. Особенно котята. Сейчас был сумасшедший kitten season, потому что из-за пандемии ни ASPCA не оперировала, мы работали с частными ветеринарами, что нам это стоило подороже. Даже не смотря на то, что они нам предоставляют очень хорошие скидки. То есть было как бы трудновато, скажем так.

ЮХ: А вот если собаке нужна помощь, может какие-то другие животные бывают, сбежавшие попугаи?

СБ: Пока за свою деятельность, за свой экспириенс мы не поймали еще ни одного попугая. А собак мы спасаем. У нас, можно сказать, контракт с Animal Control and Care. Мы с ними партнеры по программе New Hope. И вот мы недавно спасли собаку, ее то ли сбила машина, то ли что-то, у нее был перелом лапы. И не смотря на наш небольшой бюджет, мы рискнули и мы взяли. И, можно сказать, нам повезло и хирург сказал, что этой собаке надо просто rest. И вот она у нас сейчас, у нашего фостера Натальи, она как раз живет здесь, в районе

Кони Айленда. И вот она сейчас как только немного подзаживет, он уже имеет все прививки, мы его кастрируем, и мы будем искать ему семью.

ЮХ: Много ли волонтеров помогает?

СБ: Скажу, что да. Это такая идея. И вот именно здесь в Америке очень много людей, особенно в районе Кони Айленда у нас есть несколько очень сильных фостеров. Это опять же, Наталья, это Рома и Люся, которые имеют у себя дома по 4 животных, они их фостерают. Четыре-пять, потому что если мы, например, спасаем котят, одного котенка это очень редко спасти, потому что мы спасаем всем семейством. Мы не оставляем никого behind. То есть, если там litter of five kittens, we take all of them. И если там есть feral мама, дикая мама, мы тоже ее вылавливаем, мы ее кастрируем и отпускаем.

ЮХ: Вы помогаете только в Бруклине или по всему Нью-Йорку?

СБ: Я вам скажу так, что большинство да, мы помогаем в Бруклине. Но есть и такие случаи, что мы помогли людям в Пенсильвании, мы помогли людям в Нью-Джерси пристраивать их животных, которых они тоже спасли, вылечили. Кому-то подкинули животных, мы вот приезжали в Пенсильванию даже забирали оттуда.

ЮХ: Есть ли какие-то счастливые истории недавно, которые помнишь?

СБ: Каждое животное – это история. Последняя история вот как раз спасение это было здесь, на Кони Айленд было на Непчун авеню. Мы пытались спасти семейство. Мы сначала думали, что там пять котят и мама. В первый день мы спасли трех, мы думали, что там еще два, но там оказалось еще три, которых мы потом пытались спасти потом еще на протяжении двух дней. То есть все в общем три дня мы потратили, но мы спасли всех. То есть мы спасли шесть котят, они сейчас все проходят через ветеринарию, мы их также опять-таки, очистили от блох, вычистили их от паразитов и ждем, пока они получают первые прививки.

ЮХ: Вы отдаете людям на adoption только после прививок и после лечения, правильно?

СБ: Это наш приоритет. Это очень важно отдать здоровое животное в здоровую семью. И наш ветеринарный процесс он немножко другой. Мы идем против ранней вакцинации и ранней кастрации. Очень много, скажем так, больших организаций, они вакцинируют и кастрируют, например, котят, в два месяца, что, в принципе, в дальнейшем, может повлиять на их поведение, на их здоровье. Мы так не делаем. В два месяца у нас котенок получает только первую прививку, это первая FVRCP Booster. Многие организации ставят сразу этот FVRCP Booster на год. У нас их идет три Booster'а, как и полагается. То есть котенок должен получить 3 FVRCP Booster'а. Первую он получает в два месяца, когда мы уже убеждены, что в нем нет никаких паразитов, он здоровый, и все нормально. После этого, примерно через три недели, он получает вторую Booster FVRCP, и еще через три недели он получает третью FVRCP Booster, Rabies и microchip. И после этого мы можем его дать на foster to adopt. То есть мы ищем ему семью, мы подписываем с этими людьми, то есть они проходят через интервью, они заполняют аппликейшен, мы проверяем их дом, где животное будет жить и где они живут, потому что мы не отдаем всем попало. И когда мы уже находим

семью, мы их помещаем на foster to adopt, и когда котенку становится примерно пять-шесть месяцев, мы с ними связываемся, мы назначаем аппойнтмент на кастрацию. Люди привозят, кастрируют, мы оплачиваем полностью ветеринарный процесс. Полностью, то есть люди не платят ни за что. Только adoption fee.

ЮХ: Сотрудничают ли с вами также другие организации, которые занимаются спасением животных, может они оказывают какую-то помощь вам?

СБ: Да, есть организации, с которыми мы дружим. Хотелось бы, конечно, дружить с большим количеством организаций, особенно когда это будет касаться борьбы за права животных, потому что это опять же очень важно. Есть такая организация как Rescue City, эта организация существует чуть подольше, побольше. Ей где-то пять с половиной лет. Она занимается в основном спасением собак. И она нам очень серьезно помогает, и мы с ней вместе спасали животных. Это была hoarding ситуация в Бенсонхерсте, когда мы вытащили под сорок животных из подвала и эта организация забрала всех собак. И есть еще такая организация как Straus hope for life rescue. Они оперируют в Стэтен Айленде, мы тоже с ними часто созваниваемся. Например, если какая-то ситуация, им позвонили и ситуация в Бруклине, они звонят нам. И мы чем сможем, тем поможем. Когда нам, например, звонят, и у нас нету места, то мы просим набрать им, посылаем людей тоже туда, может у них есть свободное место. Потому что на данный момент мы все забиты. Шон Кейси тоже делает очень хорошую работу, у него есть шелтер. Я знаю Шона лично, но не близко. То есть мы все стараемся, скажем так. Но вот Stray hope for life, Rescue city, мы дружим.

ЮХ: Насколько я знаю, вы занимаетесь программой trap-neuter-return. Расскажи, что это за программа и как она работает.

СБ: Trap-neuter-return, также сокращенно TNR, это единственный гуманный способ сократить популяцию бездомных животных. При этой программе, например, опять же, бездомное животное оно делится на диких и дружелюбных. С дружелюбными проще. То есть ты поймал, ты его сможешь сразу определить в фостер. Диких ты не можешь определить в фостер, потому что они должны находиться или в recovery space, либо где-то. Во время TNR дикое животное отлавливается, оно кастрируется, животному ставятся прививки FVRCP, Rabies, и животное потом после recovery period (это у females 4-5 дней, у males это 2-3 дня). И вот через это время они отпускаются на том же месте, где оно было поймано. Но это животное уже больше не может размножаться, и по концовке умирает от старости своей смертью.

ЮХ: Есть ли такие кошачьи колонии в районе Брайтон Бич и Кони Айленд?

СБ: Куча. Куча! Особенно в районе Си Гейта. У нас здесь на Шор Парквей тоже есть небольшой парк, не смогла сейчас образоваться колония тоже на Непчун и Вест 8й. Мы это предотвратили, мы отловили вот этих котят как раз, это шесть котят. Из них было три мальчика, три девочки. То есть буквально бы через полгода это бы уже было, например, не 6 котят, это бы уже было, наверное, около 20 котят. А потом еще через полгода это уже могло бы быть за тридцать котят. И кто-то это называет проблемой с бездомными котами у них на бэкярде, мы это называем вовремя упущенная колония.

ЮХ: Как такие кошачьи колонии зимуют? Возле океана зимой очень холодно.

СБ: Наш менеджер, Евгения Горшкова, она ухаживает за двумя колониями. То есть она четыре раза в неделю, а то и пять, она приходит и каждый вечер кормит этих животных. На зиму она выставляет шелтеры утепленные, где они могут всегда прогреться. А зимой в основном такие животные они прячутся в теплых местах – подвалы, или даже бывает такое, что они залазят под капот машины, где тепло. И поэтому зимой мы особенно просим людей быть особенно внимательными перед тем, как они, например, заводят машину. Может они могут послушать, если кто-то мяукает под капотом. Или они могут посмотреть под машиной если там не находится животное. Потому что зимой животное ищет тепло.

ЮХ: Есть ли шанс социализировать таких котиков, которые, скажем, все время были на улице и никогда не имели хозяев?

СБ: Да, есть. Но только в самом раннем возрасте. Если вы это не сделали до трех-четырех месяцев, потом это будет очень трудно. Но у нас есть такой опыт. И вот сейчас животное уходит на adoption. Это была дикая кошка, я ее спас в Маймонидисе, ее зовут Симона. Когда мы ее спасли, ей было девять месяцев и она уже была беременна. Но мы ее сначала поместили в один фостер, где там также были животные. Она посмотрела... то есть животное видит, животное учится от других животных. То есть это очень важно, особенно от котят. Когда котята там лезут играть, и, например, дикое животное оно видит то, что они играют, что не наносится вреда им, то есть они начинают расслабляться. Надо заслужить их доверие. Но лучше всего это делать, когда животному, например, два-три месяца. Это будет намного проще и быстрее, потому что если это сделать, когда животному уже два года, это может занять минимум год.

ЮХ: Есть ли какие-то сезонные трудности с помощью животным?

СБ: Скажем, летом очень много, это называется сезон котят. Когда появляется очень много бездомных котят. И это очень много звонков. Люди звонят, говорят, у нас на бэкярде, у нас во дворе. Котята, котята, котята... И опять же, вот на данный момент, мы сейчас немножко сбавили, то есть прошли adoption'ы. У нас как бы немножко освободилось, появилось больше времени. Но на данный момент у нас тридцать животных. И это вот в основном они набрались буквально в течение месяца.

ЮХ: Вообще, в среднем, сколько у вас животных, где-то за месяц скольким удается помочь?

СБ: Опять же...

ЮХ: Зависит от сезона, да?

СБ: Опять же, на самом деле, за день можно спасти до тридцати животных. Вот просто как нечего делать. Если помочь всем людям, и забрать всех этих животных, то можно спасти и двадцать-тридцать в день — это очень легко. У нас есть команда, которые живут этой идеей, и скажем так, которая разделяет с нами эту идею, и мы делаем все возможное, после работы, до работы. Делаем все возможное, чтобы сделать разницу.

ЮХ: Как относятся люди, когда ты рассказываешь, чем ты занимаешься? Друзья или когда с кем-то знакомишься?

СБ: Очень-очень положительно. Очень многие благодарят, очень многие тоже хотят чем-то помочь. Очень положительно к этому относятся. Кто-то удивляется, говорят «Вау! Спасибо за то, что ты делаешь. Вау! Ты помогаешь животным?» Очень положительно. Очень мало, конечно, присоединяется людей. Но опять же, люди учатся на своих ошибках. Я, конечно, мы делаем все возможное, чтобы люди не повторили мои ошибки. Мы пытаемся обучать, потому что это самое эффективное, что может быть. Мы сейчас запустили, например, первое обучение «Почему лучше спасти животное, чем купить животное» Мы его поставили видео на нашем Ю-Туб канале, которое также можете найти у нас на Фейсбук в группе American Alliance for Protection of Animals. И сейчас мы уже подготавливаем второе видео, что надо делать, если вы видите, например, потому что у нас очень много звонков, особенно по котяткам, и мы сейчас стараемся, чтобы люди за место того, чтобы например, покупали котят, чтобы они спасали его с улицы. Но мало того, чтобы спасти, потому что люди боятся, они не знают, что делать. Вот сейчас наше следующее видео будет «Что надо делать, если вы видите бездомного котенка.»